
И я люблю тебя такую
С тоской и горечью полей
И не отдам твою тоску я
За всех заморских журавлей.

Правда, с автором можно согласиться только насчет изобилия дураков, но отнюдь не насчет царевен, которые в свое время были немного перестреляны, отжили за ненадобностью свой век, да и потеряли популярность в народе. Правда, катастрофически быстрый переход от „блинов“ к „штанам“ плохо „мотивирован“. Правда, вышеупомянутые „сарафаны“ и „залихватские штаны“ в сочетании со словами „о любви к отечеству и народной гордости“ весьма напоминают гейневских Крапулинского и Вашляпского („Ты горюешь по отчизне из-за шапки и халата!“). Правда, последняя строфа „формально“ является переложением детского стихотворения:

Однажды немец, таз куя,
Сказал жене своей тоскуя:
„Задам рабочим таску я
И разгоню свою тоску я“.

Правда, наконец, что по-русски нельзя сказать: „в каждой улице дурак“, и что это

не мешало бы знать автору „Российского“. Но все это сущие пустяки по сравнению с лозунгом, непосредственно „базирующемся“ на „сарафанах“ и „штанах“ —

На кой же чорт иные страны,
Кромя советской стороны!

Это уж не только „национальная ограниченность“. Это просто-напросто шовинистическое свинство. В „старое, доброе время“ выдающуюся роль в деле кристаллизации российской националистической идеологии играл, как известно, квас. Отсюда — „квасной патриотизм“, выражение, которое считалось бранным в устах всякого мало-мальски прогрессивного человека. Теперь, на десятом году диктатуры пролетариата, как видим, место кваса с успехом заняли блины. Воистину, „коль славен наш господь в Сионе!“.

Могут сказать о некоторой дозе иронии у идеолога блинов, штанов, царевен и дураков. Слушаем-с! Но ирония-то эта — ирония юродствующих. Это юродство входит как составная часть в совокупную идеологию новейшего национализма „à la moujik russe“:

„мы-ста по-мужицки, по-дурацки“ и т. д. и т. п. Эта „древляя“ юродствующая идеология для конспирации напяливает на себя „советский“ кафтан. Но одно только словосочетание: „кромя советской стороны“ выдает сразу всю свою фальшь, натасканность, неискренность, внутреннюю противоречивость.

На кой же чорт иные страны!

Нельзя ли поосторожнее, господа неумеренные потребители блинов?..

Вышеприведенные лирические „изъяснения“, несмотря на свое, так сказать, интимно-физиологическое содержание, имеют крупное общественное значение: это, повторяем, целая идеология. С легкой руки Сергея Есенина, этой „последней моды“ дня, у нас расплодилось по всей литературе, включая и пролетарскую, жирное пятно от этих самых „истинно-русских“ блинов. Между тем, есенищина — это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня. Есенин талантлив? Конечно, да. Какой же может быть спор? Но талантлив был и Барков, этот прямой

предшественник пушкинского стиха. Талантлив в высокой степени „академик“ И. Бунин. Даже Мережковскому нельзя отказать в этом свойстве. Есенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей. И все-таки в целом есенинщина — это отвратительная напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из „кобелей“, икон, „сисястых баб“, „жарких свечей“, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и „трагической“ пьяной икоты; религии и хулиганства, „любви“ к животным и варварского отношения к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на „широкий размах“ (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распушенности, поднятой до „принципиальной“ высоты, и т. д.; все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма — вот что такое есенинщина.

Говорят нам: крестьянский поэт переходной эпохи, трагически погибший из-за своей не приспособленности. Не совсем так, милые друзья! Крестьяне бывают разные. Есенин-

ская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в „ухаря-купца“; в лаковых сапожках, с шелковым шнурочком на вышитой рубаше, „ухарь“ припадает сегодня к ножке „Государыни“, завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом „душевно“ сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троицко-Сергиевскую Лавру „на помин души“. Он даже может повеситься на чердаке от внутренней душевной пустоты. „Милая“, „знакомая“, „истинно-русская“ картина!

Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого „национального характера“: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще. Выбившийся в люди, в „ухари-купцы“ мужичок нередко ломает себе шею, доводя „до логического конца“ „широту“ своей „натуры“ (известное „моему ндраву не препятствуй“), „широту“, которая есть по сути дела внутренняя расхлябанность и некультурность. На более высоком фоне общественного разви-

тия она и обнаруживает себя как таковая. Противоречие между высокой самооценкой и поистине жалкими „рефлексами“ таких „ужасно широких“ личностей может привести к трагическому личному концу. Но нас здесь интересует общественная сторона дела, и только она.

Литература вообще, и поэзия — в частности, имеют поистине огромное воспитательное значение. Это „общее место“. Поэзия образует характеры. В истории нашей литературы, которая не могла не быть, в лучшем случае, радикально-мещанской, есть целые Монбланы опоэтизированного распушательства „братьев-писателей“, не без кокетства „пьющих горькую“, разумеется, за „благо народа“. Если и в прежние времена это кокетничанье своей собственной интеллигентской слюнявостью, бессилием, безволием, жалкой дряблостью — было отвратительно, то оно становится прямо нестерпимым в наше время, когда нужны совсем другие характеры, энергичные и волевые, а не труха, которую давно пора свалить в мусорный ящик.

Эту жалкую традицию литературных

слюнтяев „мощно“ подпирает есенинщина, „поднимая“ опозитизирование безволия до высоты опозитизированного хулиганства гуляющих „истинно-русских“ „ухарей“. Это есть стержень есенинщины, а не „советские“ устремления, которые оказались совсем не по плечу Есенину, всеми своими эмоциональными корнями сосавшему совсем другие соки из окружающей жизни.

Стыдно было читать дряблую и покойницкую „литературу“, посвященную памяти погибшего поэта. Она вся почти шла по той дорожке. „Братья-писатели“, икая, приставали к покойному Есенину:

— Дай, Сережа, ангел мой, я тебя поцелую.

И плакали — тоже не совсем трезвыми — слезами...

Я знаю, что поклонницы Есенина (поклонницы обоего пола) будут очень возмущены злостью этих строк. Но по есенинщине нужно дать хорошенький залп. Нужно, чтобы люди немножко опомнились и осмотрелись по сторонам. Это бывает иногда очень и очень полезно.

Еще во время войны Ленин писал:

„Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое... Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство... такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам“ ¹⁾.

Так ставил Ленин вопрос „о национальной гордости великороссов“. С тех пор прошло уже много времени, и „великорусская нация“ дала в лице своего рабочего класса несравненные образцы героизма, революционной страсти, великой творческой энергии. Всем этим мы, великороссы, можем и должны гордиться. Но вот что интересно: у нас в литературе уже поднялась, как на дрожжах,

¹⁾ Л е н и н: „О национальной гордости великороссов“. Собр. соч., том XIII, изд. 1924 г., стр. 27.

другая „гордость великороссов“, которая воспевает именно наше рабское прошлое. Ибо где в настоящем у нас это „рабское прошлое“?

Оно — в темноте.

Оно — в мордобое.

Оно — в пьянстве, в „море синем, Хвалынском“ водки и слез, как прекрасно (не по-есенински) говорил старичок-крестьянин на московской конференции.

Оно — в матершине.

Оно — в дряблости, неуважении к труду, в хулиганстве.

Оно — в „ладонках“ и „иконках“, „свечечках“ и „лампадках“.

Оно — в остатках шовинизма („на кой же чорт иные страны“!).

Оно — в свинском обращении с женщиной.

Оно — во внутренней разнузданности, в неумении работать над собой, в остатках обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы.

И все это наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас, воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно рыдающей поэ-

зией Есенина и его многочисленных подражателей и подражательниц.

По этой линии идет воспевание „русского начала“ в новой поэзии. А на самых высотах идеологии расцветает возврат к Тютчеву и другим. Еще бы!

Умом Россию не объять,
Аршином общим не измерить.

Правда, теперь применяют больше вместо аршина метр. Точно так же идеологи буржуазной „национальной гордости“ еще не указали другого органа понимания, кроме мозга („ума“). Но все же они долбят камень нашей советской общественности изо дня в день, „национализируя“ на свой салтык нашу литературу. А некоторые простачки им подсвистывают, им подпевают, не разобрав как следует, что к чему.

„На кой же чорт иные страны“! — вот один уровень „национальной гордости“ мещанина. „Умом Россию не понять“ — вот вам другой уровень, поквалифицированнее. Некий разговорец насчет „жидов“ и „инородцев“. — вот еще форма воспитания мещанских чувствиц. Так помаленечку просовывает